

Гусельцева М.С. Культурно-психологический анализ в психологии и смежных науках

English version: [Guseltseva M.S. The cultural-psychological analysis in psychology and adjacent sciences](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

В данной статье постнеклассическая рациональность рассматривается в качестве особой методологической «оптики», позволяющей изучать феномены с повышенной онтологической и гносеологической сложностью; вводится понятие культурно-психологического анализа как инструмента междисциплинарной коммуникации психологии и смежных наук, обсуждаются взаимоотношения психологии и гуманитарного знания.

Ключевые слова: методология, постнеклассическая рациональность, культурно-аналитический подход, культурно-психологический анализ, междисциплинарный дискурс, культурная психология, история

Когнитивная ситуация в современной науке. Постнеклассическая рациональность как идеальный тип и инструмент познания

Динамика исследовательской ситуации в современной науке представляет собой переплетение социокультурных, социально-психологических, ментальных и собственно гносеологических аспектов. Вступление современного общества в постиндустриальную и информационную эпоху сопровождается методологическим плюрализмом и либерализмом, что, в свою очередь, связано, если обыграть известный термин Дж.Келли, с возрастанием как онтологической, так и гносеологической сложности. При определенных условиях методологический плюрализм может рассматриваться как симптом кризиса [Соколова, 2007], однако наряду с возрастающей фрагментацией культурно-психологических исследований в психологии набирает силу и тенденция к интеграции психологического знания [Марцинковская, 2004]. Средством такой интеграции выступают разного рода подходы – коммуникативной рациональности [Хабермас, 2003; Мазилев, 2003], интегративной психологии [Уилбер, 2004; Козлов, 2003], сетевой организации знания [Chew, 1968; Гусельцева, 2002; Зеленкова, 2007], междисциплинарный дискурс в целом.

Междисциплинарный дискурс, позволяющий изучать целостного человека в разнообразии жизненных контекстов, в его повседневной и исторической жизни, является одной из ключевых особенностей современной когнитивной ситуации в науке. Междисциплинарные исследования доказывают свою эвристичность в первую очередь там, где предметом науки выступают уникальные саморазвивающиеся системы [Степин, 2000], к которым относятся как психика человека, так и культура в целом. В связи с этим развитие современных культурно-психологических исследований в значительной степени определяется интенсивностью коммуникаций психологии с разными областями гуманитарного знания и прежде всего с историческими и культурологическими дисциплинами. Междисциплинарные культурно-психологические коммуникации развивались и поддерживались трудами В.Гумбольдта, В.Вундта, Дж.Мида, З.Фрейда, К.Юнга, Э.Эриксона, Л.С.Выготского, А.А.Потебни, Г.Г.Шпета и целого ряда других авторов. Однако существующие отечественные и зарубежные исследования, затрагивающие различные стороны взаимодействия психики и культуры, оставили нерешенными методологические проблемы, касающиеся используемой терминологии,

онтологического статуса, типологии и методов изучения культурно-психологических феноменов. Также нельзя считать выполненной задачу построения взаимосогласованной картины реальности, поиска коммуникативной парадигмы как почвы для диалога разных культурно-психологических направлений.

Постнеклассическая рациональность, постмодернистская критика, сетевой принцип организации знания – ключевые характеристики современного состояния науки. Перед психологией в этой когнитивной ситуации встают задачи методологической рефлексии, осмысления собственного парадигмального статуса в изменяющемся мире. Одним из направлений, отвечающим на эти вызовы, на наш взгляд, становится культурная (культурно-историческая) психология, а методологическим ресурсом постнеклассической парадигмы выступает коммуникативность [Гусельцева, 2007]. Согласно нашей гипотезе, именно постнеклассическая рациональность становится поддерживающей средой для рождения культурно-исторической психологии как особой дисциплины сетевого типа, позволяющей наладить реальный диалог психологии и ряда смежных наук (в дальнейшем мы развернем данный тезис, обратившись к обсуждению проблемы когерентности исследований во французской исторической школе «Анналов»).

Напомним, что понятие постнеклассической рациональности было предложено философами [Lyotard, 1979; Стёпин, 2000] для характеристики исторических типов рациональности и ситуации смены парадигм в науке; нами же и рядом других авторов понятие постнеклассической рациональности использовалось в анализе развития психологии [Гусельцева, 2003; Ключко, 2008; Мясоед, 2004; Юревич, 2005 и др.].

Сегодня для многих психологов, философов и методологов науки становится очевидно, что будущее психологии связано с развитием междисциплинарных контактов. Так, идеи об эволюции психологии в сторону гуманитарного знания, о движении от монизма к герменевтике и коммуникации разных психологических подходов неоднократно высказывались В.М.Розиным: «Психология оказалась перед дилеммой: или учесть результаты других наук (таких как культурология, социология, семиотика и пр.), поставив под угрозу традиционный психологический подход, или сохранить его в неизменности, поставив под угрозу само существование психологии, поскольку, не реагируя на указанные результаты, она проигрывает конкуренцию с другими антропологическими дисциплинами (антропологией, понимающей социологией, культурологическими версиями человека и т.п.)» [Асмолов, 2007, с. 466–467]. Сам А.Г.Асмолов обыгрывает ту же тему коммуникативности, призывая перейти в психологии от парадигмы конфликта к парадигме толерантности, сотрудничества, взаимодействия разных психологических подходов; В.А.Мазиллов развивает идеи собственно коммуникативной психологии [Мазиллов, 2003, 2007]. Важно отметить, что будущее психологии сегодня уже разные авторы связывают именно с коммуникативной рациональностью, даже если не рефлексировать, что «говорят прозой». Однако такие идеи время от времени появлялись и в истории науки. Обратившись к этой истории, нельзя не заметить, что психология – весьма специфическая наука, по природе своей онтологически и гносеологически сложная, с неизбежностью коммуникативная, сензитивная к развитию смежных областей знания. Так, достижения в области физики откликнулись в психологии поисками психического атома и теорией «ментальной физики» Дж.С.Милля, появлением идей изоморфизма в контексте гештальтпсихологии, теории поля К.Левина; развитие химии повлекло за собой концепции «ментальной химии» Дж.С.Милля и «творческого синтеза» В.Вундта; успехи биологии принесли в психологию эволюционные идеи и генетический метод (А.Бэн, Г.Спенсер, И.М.Сеченов и др.). Иными словами, к методологическим образцам естественно-научного знания психология на протяжении своей истории тянулась весьма охотно. Но для того чтобы психология смогла отрефлексировать достижения гуманитарного знания, потребовались две вещи: с одной стороны, само гуманитарное знание должно было пройти долгий путь методологических исканий (например, от проекта «критики исторического разума» В.Дильтея до поисков постпостмодернизма); с другой стороны, психология должна была развить внутри себя так называемую когнитивную сложность, позволяющую ей воспринять в буквальном смысле неоднозначные находки гуманитаристики. Лишь современная когнитивная ситуация обеспечивает полноту выполнения двух названных условий. И поэтому в современной когнитивной ситуации на место «позитивных» наук как методологических лекал для психологии наконец реально приходит гуманитарное знание. Гуманитарное знание становится «зоной ближайшего развития» психологии, ее ведущим методологическим собеседником.

Междисциплинарность как характеристика постнеклассической науки и будущее психологии

Об особой эвристичности междисциплинарного дискурса писал еще М.М.Бахтин, отмечая необходимость для исследователя расширения «культурных горизонтов»: «При спецификаторских увлечениях игнорировали вопросы взаимосвязи и взаимозависимости различных областей культуры, часто забывали, что границы этих областей не абсолютны, что в различные эпохи они проводились по-разному, не учитывали, что как раз наиболее напряженная и продуктивная жизнь культуры происходит на границах отдельных областей ее, а не там и не тогда, когда эти области замыкаются в своей специфике» [Бахтин, 1978, с. 330]. Постнеклассическая же рациональность превращает роскошь избыточной энциклопедичности исследователя (широту его «культурных горизонтов») практически в императив. Заимствование терминов и методологических средств анализа из одной науки в другую приводит к особой сетевой вязи и в индивидуальном творчестве: так, решаемая проблема создает в сознании исследователя некий вопрос, ответ на который он может получить, обратившись совершенно к другой исследовательской области.

Наступающее постнеклассическое состояние науки позволяет разрешить кажущееся противостояние между «науками о природе» и «науками о духе», поскольку в постнеклассической рациональности возникает общенаучный метаязык, междисциплинарный дискурс [Стёпин, 2000] и становится неактуальным выбор «единственно верного» и неизменного методологического ориентира. Посредством постнеклассической рациональности психология осознает себя как изменяющаяся сетевая наука в изменяющемся сетевом мире. Постнеклассическая парадигма в психологии проявляется в переходе от систем – к судьбам (в начале XX в. это было пророчество Л.С.Выготского), от систем – к сетям (подобные идеи развивают в мире образования А.М.Лобок и А.В.Цирульников), от предметов – к проблемам (что претворила в жизнь французская историческая школа «Анналов»), от однозначных текстов – к множественности интерпретаций и игре стилями (направление исследований Ю.М.Лотмана). Постнеклассическая психология – это такое состояние знания, когда различные научные теории (понимаемые как описывающие отдельные аспекты психической реальности модели) составляют взаимосогласованную сеть [Гусельцева, 2003].

Методологическим ресурсом междисциплинарного дискурса и выступает сеть или *сетевой принцип организации знания* (в психологии такие вещи происходят стихийно, спонтанно, но уже начиная с XX века можно было обнаружить примеры сетевой модели психологических концепций). Сетевой принцип организации знания (сформулированный Дж.Чью) является одним из признаков постнеклассической науки. В контексте сетевой парадигмы сферы смежных наук начинают развивать коммуникации, возникает общий багаж методологического инструментария. И, взаимодействуя между собой, эти сферы познания стихийно создают единую научную сеть. Так, Т.В.Зеленкова отмечает, что модель развития когнитивных наук в обозначенной логике продемонстрирована Дж.Миллером [Миллер, 2005]. Однако не только в когнитивных науках идут такого рода процессы, но и в культурной (культурно-исторической) психологии [Гусельцева, 2007], в исследовательском пространстве которой сосуществуют разнообразные дисциплины, имеющие дело с культурно-психологическими и междисциплинарными исследованиями, и, если мы выделим в качестве системообразующего (точнее, сетеобразующего) основания коммуникаций психологии и смежных наук культурно-психологический анализ, то по выделенному основанию эти дисциплины образуют единую познавательную сеть, в багаже которой «играют» разные методы, языки описания, исследовательские приемы, а охваченные сетью науки берут из общего методологического «банка» то, что им нужно для решения конкретно поставленных исследовательских задач. Более того, такая исследовательская практика приводит к свободной ориентации исследователя в разных сферах естествознания и гуманитаристики. Возникает онтологически и гносеологически сложная научная дисциплина, организованная как сеть, и такого рода наука, как и сеть, оказывается в современной когнитивной ситуации устойчивее, динамичнее, гибче, преадаптивнее и т.д.

В сетевой модели организации знания происходит не синтез, не слияние дисциплин в единой гуманитарной «интернауке» (как предполагал, например, представитель школы «Анналов» Ф.Бродель), а именно живая структура «средоточий», соединенных «путями» (согласно идеям

П.А.Флоренского), – это коммуникация несливающихся дисциплин с собственными методологическими подходами, языками описания, дискурсами и исследовательскими традициями; в целом структура онтологически и гносеологически сложная, позволяющая практиковать исследовательский «полилингвизм».

В XX в. в социальных науках сформировались две методологические установки анализа – сциентистская и герменевтическая. Л.Г.Ионин обозначил эти две исследовательские позиции терминами «объективизм» и «культурная аналитика». Различая «объективиста» и «культурного аналитика», он писал: «...объективист рассматривает социальный мир таким, каким он является, и исследует закономерности взаимодействия структур и элементов в этом мире, тогда как культурный аналитик “заглядывает за подкладку” и хочет понять устройство “ткани” этого мира, понять, почему “с лица” он кажется объективным... Объективист принимает объективность социального мира на веру, культурный аналитик... исследует эту объективность, и только тогда, когда понята природа этой объективности, совсем не такой, как объективность естественных явлений, он может перейти к анализу самих социальных фактов. При этом и сами факты он воспринимает иначе, чем объективист: они являются для него артефактами в любом смысле этого слова» [Ионин, 2000, с. 38]. В нашей интерпретации «объективизм» и «культурная аналитика» представляют собой соответственно методологическую «оптику» неклассической и постнеклассической рациональности [Гусельцева, 2007].

Постнеклассическая рациональность выступает порождающей средой для междисциплинарных исследований, для реальных коммуникаций психологии и смежных областей знания. Более того, в ней возникают проблемно-ориентированные междисциплинарные подходы, позволяющие изучать феномены с повышенной когнитивной и экзистенциальной сложностью. Именно методологический контекст постнеклассической рациональности становится развивающей средой для культурно-аналитического подхода. Обратимся к его рассмотрению более подробно.

Психология и гуманитарное знание. Культурно-аналитический подход

Культурно-психологический анализ как основа междисциплинарной коммуникации психологии и смежных наук

С разворотом в сторону гуманитарного знания в психологию проникает и культурно-аналитический подход, а также культурно-психологический анализ. Культурно-аналитический дискурс в гуманитаристике позволяет совместить, казалось бы, несовместимые подходы. За счет какого методологического ресурса это происходит? За счет сверхрефлексивности (повышенной рефлексивной сложности) и общего банка методологического инструментария, собранного из разных наук, то есть методологической «оптики» и багажа «культурных средств».

Предметом изучения в культурно-аналитическом подходе выступает широкий класс взаимосвязанных феноменов и реальностей, разворачивающихся в системе координат: практика – психика – культура (напомним, что эту триаду психологических категорий выделил в методологическом анализе Ф.Е.Василюк [Василюк, 2003]). Теоретико-методологическими источниками культурно-аналитического подхода в психологии служит ряд концепций, включая методологию гуманитарного знания М.М.Бахтина, исследования французской исторической школы «Анналов», труды тартуско-московской семиотической школы, аналитическую психологию К.Г.Юнга и «понимающую социологию» М.Вебера, но основополагающей для него выступает неокантианская философская традиция [Гусельцева, 2008]. В чем специфика и преимущество культурно-аналитического подхода к изучению психики? Культурно-аналитический подход ухватывает самую соль в трактовке психического, позволяя осуществлять, во-первых, анализ уникальности и своеобразия культурно-психологических феноменов и, во-вторых, анализ, не вырывающий изучаемые феномены из жизненных, исторических и повседневных контекстов.

Мастером культурно-психологического анализа предстает М.М.Бахтин. Его методология, впитавшая идеи неклассической физики, по сути является постнеклассической, и это связано с тем, что

методологические догадки физиков М.М.Бахтин перенес на реальность литературоведения, но будучи реальностью онтологически более сложной, литературоведение, благодаря неклассической «прививке», породило многомерное постнеклассическое измерение. «Оправданны и даже совершенно необходимы разные подходы, – писал М.М.Бахтин, – лишь бы они были серьезными и раскрывали что-то новое в изучаемом явлении литературы, помогали более глубокому его пониманию» [Бахтин, 1979, с. 330–331]. Мы же предлагаем распространить данный взгляд на психологию, усложнив его «прививками» из области уже современной когнитивной ситуации в науке, и называем конструкцию в целом культурно-аналитическим подходом [Гусельцева, 2007]. На наш взгляд, именно реальность культурно-психологического анализа пытался ухватить словами М.М.Бахтин, когда, предваряя труд «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках», писал: «Приходится называть наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование). Положительные же соображения таковы: наше исследование движется в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях» [Бахтин, 1979, с. 281]. Обратим внимание, что М.М.Бахтин разрабатывал не просто методологию гуманитарных наук, но и методологию междисциплинарных исследований (как и «Анналы», как и тартуско-московская семиотическая школа, объединявшая свои исследования под эгидой семиотики).

Помимо свободного владения разными подходами, другой методологической догадкой М.М.Бахтина была идея об особой эвристичности пограничных областей наук, о том, что наиболее интенсивно науки развиваются на границах дисциплинарных областей, а культурно-психологические феномены могут неожиданно раскрываться (раскрывать «смысловые глубины») в интерпретации последующих эпох. Феномен возрастающей «мерности», «когнитивной сложности» постнеклассической рациональности связан с тремя вещами – с повышенной рефлексивностью, с плавающими, «играющими», подвижными смыслами и с особым типом взаимоотношений между единицами анализа (за неимением лучшего термина обозначим этот тип взаимоотношений словом-метафорой – «игра»). Психологические теории, подобно литературным произведениям (анализом которых как вглубь, так и вширь занимался М.М.Бахтин), «разбивают грани своего времени» и живут в «большом времени» культуры, переинтерпретируются там, обогащаются новыми смыслами. Постнеклассическая же рациональность, согласно нашему предположению, и становится тем методологическим контекстом, в котором начинают полифонично звучать «голоса» разных психологических теорий.

Если же мы обратимся к конкретной коммуникации психологии с рядом смежных наук (историей, этнографией, литературоведением, антропологией, филологией и т.п.), то заметим, что существует системообразующее основание, позволяющее объединить разнообразные исследования, связанные, например, с именами Л.Февра и М.Блока, Ф.Броделя и Ж.Ле Гоффа, П.М.Бицилли и А.Я.Гуревича, М.М.Бахтина и А.А.Потебни, В.Дильтея и Г.Г.Шпета, Ю.М.Лотмана и Ю.Н.Тынянова, – феномен, которому мы выше дали название *культурно-психологического анализа*. В контексте развития культурно-аналитического подхода культурно-психологический анализ предстает как методологическое средство междисциплинарной коммуникации психологии со смежными областями знания. Культурно-психологический анализ позволяет нам объединить разнообразные междисциплинарные исследования, общим для которых выступает анализ феноменов психики в разнообразных исследовательских контекстах. Очевидно, что данный термин не вмещает все виды анализа, которые в него потенциально входят (а это может быть философский, семиотический, исторический, структурный, функциональный, системный и т.п. анализ психики), но он фиксирует главное: феномен проецирования многомерной и гетерогенной реальности психического в ситуативный исследовательский контекст. С одной стороны, мы имеем дело с анализом психики, осуществляемым в самых разнообразных контекстах культуры (что приводит, в свою очередь, к дифференциации культурных сфер), с другой стороны, анализ выступает в качестве собственно аналитики, то есть прослеживания взаимосвязей, взаимопревращений и взаимоотношений между разнообразными культурно-психологическими феноменами.

Таким образом, культурно-психологический анализ есть широкое понятие, вмещающее в себя семиотический анализ, историко-генетический анализ, структурный анализ, функциональный анализ, рефлексивный анализ и т.п., с его помощью исследователь пытается играть разными видами анализа (подобно тому как А.С.Пушкин в интерпретации Ю.М.Лотмана «играл стилями»). Удачность или неудачность термина можно оспаривать, но, на наш взгляд, понятие ухватывает рефлексивность

взаимопревращения трех реальностей – практики, психики и культуры, и позволяет на этом основании связать междисциплинарные фрагменты, исследующие связи между этими реальностями. Анализ предстает здесь как работа детектива, когда отдельные и до определенного момента как бы случайные истории складываются в понятный сюжет.

В исследовании богатства психической жизни человека известен ряд феноменов, с изучением которых психология не справлялась именно в силу редуцирования многомерной и гетерогенной реальности психических феноменов к простым измерениям – изучение общей одаренности, интеллекта, конституционных типов и т.п. Речь в данном случае идет об анализе феноменов креативности, неадаптивности и гениальности, ибо именно эти феномены требуют междисциплинарного дискурса, изучения в своеобразии, в жизненных и повседневных контекстах, а не средствами абстракции, классификации и логики. Прежняя психология этих тайн не раскрыла, а вот писателям иногда удавалось. На наш взгляд, культурно-аналитический подход и призван решить эти задачи, потому что именно он предоставляет ту степень мерности, позволяющую обрести адекватную методологическую позицию, в которой психология и искусство совместным усилием реконструируют психическую реальность, не утрачивая своеобразия исследуемых феноменов и не вырывая их из контекста повседневной жизни.

Более того, культурно-психологический анализ позволяет осуществить и искомую взаимодополнительность разнообразных исследовательских стратегий. Ведь принцип дополнительности в психологии – это метафора, он не может быть напрямую заимствован из теоретической физики (как справедливо отмечала Е.Ю.Завершнева [Завершнева, 2001]), а должен представлять собой нечто другое. В психологии дополнительность предстает скорее в качестве феномена полифонии сознания в концепции М.М.Бахтина. Примером такого рода дополнительности служит факт, когда по психологическому настроению, например, мы судим о гормональном фоне, а по гормональному фону – о психологическом состоянии человека. И эти истины разных срезов анализа дополняют друг друга, уточняют, усиливают. То есть можно измерить гормональный уровень, а можно проинтерпретировать психологическое состояние – исследователь придет к одному результату. В одном исследовательском контексте, например, с позиции биохимии данная феноменологическая реальность будет проинтерпретирована как комбинация гормонов – окситоцина и тестостерона, а в интерпретации К.Юнга предстанет как «анима» и «анимус». Если же мы займем позицию «внеаходимости» наблюдателя, позволяющую проникать за пределы слов (и понимать, что все понятия в психологии суть метафоры: так, согласно Х.Ортега-и-Гассету, все наше знание о внутреннем мире метафорично и поэтому «почти весь понятийный аппарат психологов – чистые метафоры...») [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 212]), то увидим, что зачастую одну и ту же многомерную культурно-психологическую реальность можно описать на языке «мотивации» (мотивационного анализа), «деятельности» (деятельностного анализа), «личностных конструктов», «знаков» (семиотического анализа) и т.п. В этом смысле междисциплинарный дискурс становится методологическим контекстом новой научной парадигмы. И коммуникативная рациональность современной науки (Ю.Хабермас) проявляет себя в двух планах – как методологическом, так и собственно коммуникационном. Ниже мы рассмотрим коммуникации психологии и гуманитарного знания на примере взаимоотношений психологии и истории.

Как уже отмечалось, психология – онтологически и гносеологически сложная наука, широко известна историческая традиция деления психологии на эмпирическую и рациональную (Х.Вольф), физиологическую и культурную (В.Вундт), а в начале XX в. – на «множество миров» психологического знания. Неудивительно, что особенно восприимчивой к гуманитарному дискурсу оказались «психология народов», «описательная» психология, или, пользуясь современным языком, культурная (культурно-историческая) психология. Поэтому, прежде чем обратиться к обсуждению взаимоотношений психологии и истории, кратко проследим исторические истоки становления проекта культурной психологии на отечественной почве.

В XIX в. отечественная культурная психология активно развивалась в качестве описательной науки. В 40-е гг. XIX в. Н.И.Надеждиным, автором термина «психическая этнография», с целью обобщения опыта этнографических экспедиций, организованных Академией наук, было создано Русское географическое общество (РГО). Значительную роль в деятельности РГО составлял сбор материалов, описывающих психические черты проживающих на территории России народностей. Перед обществом ставились задачи изучения особенностей духовного склада разнообразных этносов.

Впоследствии К.Д.Кавелин, также участвующий в деятельности РГО, предложил дополнить описательную часть этнической психологии изучением продуктов творческой деятельности людей. Подобно В.Вундту, К.Д.Кавелин явился основоположником культурной психологии на отечественной почве. Он был также автором концепции, обосновывающей закономерности появления личности в русской истории. В книге 1872 г. «Задачи психологии» К.Д.Кавелин сопоставил традицию подавления личности в отечественной истории с господством позитивизма и материализма. Психологию он считал наукой, способствующей возрождению личности, при условии, что она даст обоснование свободе воли и откроет законы духовной жизни. Личность в данном подходе рассматривалась, с одной стороны, как продукт культурно-исторического развития, а с другой – как творец истории и самого себя. Важной мыслью являлась также *идея о порождении индивидуальностью личности мира культуры*. свою лепту внес К.Д.Кавелин и в решение проблемы становления психологии как объективной науки. Полемизуя с И.М.Сеченовым, он доказывал ограниченность естественно-научного подхода к изучению личности, однако не сводил методы психологического исследования к самонаблюдению. Он считал, что продукты творчества человека являются объективными следами его психики. И естественные, и гуманитарные науки, отмечал К.Д.Кавелин, основывают свои выводы на *аналитическом методе*. Психология – специфическая наука, потому что материалом для нее служат наработки «истории верований, языка, политических учений и учреждений, искусств, наук, философии, культуры», а качество культурно-психологического анализа связано с совершенством материала смежных наук. Таким образом, культурная психология в качестве науки возникает лишь на определенном этапе развития гуманитарного знания. мы видим зависимость психологии от развития самих гуманитарных наук, от накопленного ими знания и освоенных методологических процедур. Культурная психология возможна как поздняя, завершающая наука, и в этом смысле она сходна с герменевтикой, культурологией – со знанием, которое оформляется в дисциплины лишь во второй половине XX века.

А.А.Потебня был одним из тех, кто впервые заявил о необходимости использования *историко-генетического метода* при анализе психических феноменов. Он также развивал *идеи опосредования* знаками психического развития, указывал на роль слова как орудия мысли, отличающего человека от животных. Понять развитие личности немислимо вне анализа культурно-исторического контекста. А.А.Потебня настаивал на необходимости сближения психологии с языкознанием и обосновывал преимущества сравнительных и исторических методов исследования. Именно история языка, согласно А.А.Потебне, способна раскрыть нам тайны истории становления человеческой мысли. если допустить сходство грамматических категорий и категорий мышления, структуры предложения и заключенной в предложении мысли, то анализ исторической типологии предложений приведет нас к исторической типологии мышления. Язык также выступает посредником между психикой человека и культурой. Практикуя семасиологический анализ, А.А.Потебня предлагал *высвечивать сознание через язык*. Отметим сходство этого методологического приема с принципом единства сознания и деятельности С.Л.Рубинштейна. Развитие некоторых идей А.А.Потебни нашло отражение в исследовании моделирующих систем тартуско-московской семиотической школой, представление же о языке как посреднике между психикой и культурой особенно оказалось развито в социальном конструкционизме и постструктурализме.

Методологическое обоснование отечественная культурная психология получила в творчестве Г.Г.Шпета, создавшего в 1920-е гг. при историко-филологическом факультете Московского университета кабинет этнической и социальной психологии. Одной из важных идей для Г.Г.Шпета являлась именно междисциплинарность: задачи этнической психологии он предложил определить, исходя из ее сопоставления, с одной стороны, с психологией и, с другой стороны – с этнологией. Предметом этой комплексной науки выступали коллективные и социальные переживания. Индивид изначально коллективен, отмечал Г.Г.Шпет, а исторические общества людей отличаются друг от друга своим отношением к окружающему миру; эти отношения и есть объективное выражение «духа», или «души», или «характера» народа. Разные культурные обстоятельства, язык, религия, наука – все это вызывает человеческие переживания, в которых, несмотря на индивидуальные различия людей, есть типически общее. Психология народа особенно ярко проявляется в его отношении к духовным ценностям. Таким образом, предметом этнической психологии как описательной науки являются типические коллективные переживания или «духовные уклады» [Шпет, 1996]. Исследование является объективным, подчеркивал Г.Г.Шпет, если психология изучает продукты культурного творчества как психические процессы.

Путь преодоления кризиса в психологии Г.Г.Шпет усматривал в новой методологии, берущей начало от исследований В.Джеймса и учения В.Дильтея. Главной психологической категорией он считал *переживание*, потому что в переживании дана изначальная связь душевной жизни; «во внутреннем опыте происходит отделение существенного от несущественного и психология начинает свою аналитическую работу...» [Шпет, 1996, с. 41]. Инструментом познания в данной логике является сам исследователь. Методологической ошибкой психологии Г.Г.Шпет считал поиск закономерностей и универсалий, поскольку «необыкновенное богатство и разнообразие... конкретной душевной жизни» требует особой методологии, а именно – *психологии описательной и аналитической* [Шпет, 1996, с. 85]; методы, адекватные этнической психологии, – это сравнительный метод, описательно-аналитический метод, целью которого является классификация и систематизация, «описание на основе интерпретации», идеальное моделирование, результатом которого становится выделение типов. Поскольку этническую психологию Г.Г.Шпет сопоставлял, с одной стороны, с психологией, а с другой – с науками о культуре, с историей, этнологией и т.д., то в этой логике междисциплинарный дискурс оказывался неизбежен. Отметим, что наследие Г.Г.Шпета в качестве источника культурно-аналитической психологии необходимо рассматривать в единой сети знания с концепциями А.А.Потебни, К.Д. Кавелина, Г.О.Винокура, Г.И.Челпанова, Л.С.Выготского. Например, в отличие от Л.С.Выготского культура представляла для Г.Г.Шпета в богатстве этнического своеобразия. Недостатки же концепции этнической психологии Г.Г.Шпета были связаны с недоверием автора к генетическому анализу, которое следует отнести на счет отсутствия у Г.Г.Шпета интереса к теме «созревания» индивида и к биологии в целом. Здесь концепция Г.Г.Шпета должна быть дополнена учением о генетическом методе Л.С.Выготского, историко-генетической концепцией А.А.Потебни.

В отечественной истории в связи с известными социокультурными обстоятельствами, охарактеризованными М.Г.Ярошевским как «репрессированная наука», культурно-аналитический подход оказался представленным не столько психологами, сколько представителями гуманитарных наук, в частности историками. Так, особенностями *петербургской школы медиевистики*, основанной И.М.Гревсом, к которой принадлежали П.М.Бицилли, О.А.Добиаш-Рождественская, отчасти Л.П.Карсавин, являлись культурно-антропологический дискурс, исторический синтез, изучение ментальности через повседневность, культурно-психологический анализ. В этом направлении активно обсуждалась методологическая проблематика гуманитарных наук; идеи В.Дильтея, В.Виндельбанда, Г.Риккерта, Г.Зиммеля, А.Бергсона, Б.Кроче, М.Вебера оказались освоены и творчески переработаны. Так, П.М.Бицилли рассматривал старообрядцев, кальвинистов, английских пуритан, европейских евреев и гугенотов в качестве *неадаптантов* и, полемизируя с М.Вебером, именно этим качеством личности объяснял их деятельную роль в становлении капитализма. Труд П.М.Бицилли «Элементы средневековой культуры» представлял собой реконструкцию мировосприятия «среднего человека» средневековья. Стремление средневекового человека к универсализму П.М.Бицилли связывал с распространением в культуре такого *психологического орудия*, как символ. «Место Ренессанса в истории культуры» стало историко-психологическим и культурологическим исследованием, которое сам автор назвал *этюдом*. Л.П. Карсавин исследовал неповторимость культуры и индивидуальности, опираясь на анализ богатства структурных связей, а не на закономерности и генетический анализ, ведущий к невольному схематизированию. Он искал в истории «внутреннее упорядочивающее начало», полагая, что надо не навязывать материалу внешних схем, а дать ему заговорить. Другой отечественный историк и социолог Н.И.Кареев также подчеркивал важность диалога истории и психологии. В своей критике историософии (1897), обосновывая необходимость подразделения наук на номологические и феноменологические, Н.И.Кареев предвосхитил идеи В.Виндельбанда и Г.Риккерта. В работе «Сущность исторического прогресса и роль личности в истории» (1914) он разрабатывал проблематику взаимодействия личности и среды. Н.И.Кареев поддерживал «принципиальный плюрализм» концепции П.А.Сорокина и возражал против упрощенных попыток отыскать «единый рычаг» как общественного, так и индивидуального развития. В исторической, общественной и индивидуальной жизни нет определяющего фактора, нет единой движущей силы, но совокупность взаимодействующих факторов определяет исторический вектор развития. Историки предлагали разработку типологии личности в зависимости от того, каким образом в личности преломляется история (здесь перед нами встает проблема «линз», через которые люди разной культуры смотрят на мир). Заметим, что в целом их мысль двигалась в том же направлении, что и мысль Э.Шпрангера. Н.И.Кареев решительно восставал против того, чтобы понимание объективного в естественных науках переносить в науки гуманитарные. В статье «О субъективизме в социологии» он выделил два рода субъективизма. Существует субъективизм как фантазия и как личностное отношение. Личное восприятие может быть

ближе к истине, нежели «коллективные представления», доказывая это, Н.И.Кареев анализировал феномен «поглупения в толпе». Устранение субъективных элементов из науки чревато обезличиванием ученых, отмечал Н.И.Кареев, а чем обезличенней ученый, тем менее оригинальны его концепции и менее существенен его вклад в науку. Среди отечественных историков, создающих свои труды на рубеже XIX–XX вв., пристрастность ученого и его субъективизм встречали понимание.

На рубеже XIX–XX вв. со стороны истории наблюдался «социальный заказ» на создание культурной или коллективной психологии. Другим историком, указывающим на важность сотрудничества исторической науки с психологией, был Т.Н.Грановский. Методологическая позиция Т.Н.Грановского отличалась стремлением к синтезу «разных направлений исторической науки Запада» и пониманием истории-науки «не иначе, как в связи... с философией», дававшей «цельный взгляд на историю человечества». Заметим, что историки занялись «легализацией субъективного опыта исследователя» (А.В.Юревич) почти на столетие раньше психологов. Мы также видим, что традиция понимания изначальной социальности психических функций была органична для историков в той же мере, что и для отечественных философов и психологов. Доклад Н.В.Теплова на заседании Исторического общества при Императорском Московском университете от 24.03.1902 г. явился одним из уникальных культурно-психологических исследований гениальности. Проблема – «Что такое гениальность с точки зрения развития культуры?» – рассматривалась Н.В.Тепловым с двух позиций: что представляет собой гениальность в свете изложенного взгляда на культуру и какую роль играет гениальность в развитии культуры. В ряду отечественных культурно-психологических исследований начала века обращает на себя внимание работа Г.И.Маркелова «Личность как культурно-историческое явление. Этюды по истории индивидуальности» (1912), проследившего рождение индивидуальности личности в конкретных культурных мирах Египта, Китая, Индии, Израиля, Греции и Рима.

Иными словами, отечественная культурная психология на рубеже XIX–XX вв. имела два источника развития – обращение психологов к историко-культурным исследованиям, с одной стороны, и интерес историков культуры к психологическим исследованиям, с другой. На всем протяжении становления культурной психологии как дисциплины гуманитарная традиция (этнопсихологические исследования) полемизировала с традицией позитивистской и объективистской (кросскультурные исследования). Будучи не в силах быть реализованной в отечественной психологии в результате известных социокультурных обстоятельств, герменевтическая традиция изучения взаимоотношений культуры и личности находила прибежище в работах отечественных историков, литературоведов, культурологов и семиотиков. И когда современные зарубежные исследователи, такие как Дж.Верч, М.Коул, Р.Харре, К.Джерджен, Р.Шведер, стали искать решения методологических проблем психологии на путях ее сближения с гуманитарным, герменевтически ориентированным знанием, оказалось, что их поиски во многом были предвосхищены в работах отечественных мыслителей «серебряного века». Более того, те темы, к которым пришла современная психология в связи с постмодернистским состоянием культуры, а именно: увеличение удельного веса эпистемологических дискуссий и интерес к историческим и культурным контекстам, к герменевтике и феноменологии, к междисциплинарным связям, – активно разрабатывались в трудах М.М.Бахтина, В.О.Винокура, Т.Н.Грановского, Н.И.Кареева, Л.П.Карсавина, Н.В.Теплова, Г.Г.Шпета, петербургской школы медиевистов (П.М.Бицилли, О.А.Добиаш-Рождественской), культурологов и семиотиков. Методологические «повороты» XX века – антропологический, лингвистический, нарратологический, культурологический, постмодернистский, – так или иначе оказались предвосхищенными в исследованиях отечественных авторов. Например, «история повседневности» (*histoire de la quotidienne, case history*), расцвет которой наблюдался в ФРГ в 80-е гг. XX в., пришла к аналогичным со школой И.М.Гревса методологическим установкам [Ястребицкая, 1990]. Элементы микроистории были органичны для работ П.М.Бицилли, Л.П.Карсавина, постигавших культуру через детали быта, «изнутри», изучающих мировосприятие простого человека. Благодаря созвучности современных методологических поисков и находок отечественных культурно-психологических направлений начала XX в. современная культурная психология получает исторический шанс преодолеть разрыв между прошлым и настоящим, а благодаря коммуникативной эстетике постмодернизма и методологическим установкам постнеклассической рациональности – соединить разорванные связи между отдельными подходами культурной психологии [Гусельцева, 2007].

Две линии развития современной культурной психологии – *культурно-аналитическая* (преимущественно движущаяся от истории и культурологии к психологии) и *объективистская* (кросскультурная и «естественно»- психологическая) представляют собой разные интеллектуальные

стили, находящие свои истоки в методологических установках классической, неклассической и постнеклассической рациональности, ориентирующиеся на различные модели культуры и ставящие перед собой разные исследовательские задачи. Культурно-аналитическая (ориентированная на семиотический дискурс и методологию гуманитарных наук) линия развития психологии призвана компенсировать в отечественной психологии то, что осталось за скобками «культурно-исторического» и деятельностного подходов, а именно: вопросы, как индивидуальность личности порождает миры культуры (так, Л.С.Выготский считал, что психическое развитие человека одновременно и есть порождение культуры, но никак не объяснял феномен разнообразия культур и интеллектуальных стилей, а между тем ответ на этот вопрос дает семиотический подход Ю.М.Лотмана); что представляет собой культура в качестве гетерогенной реальности, какая типология культуры возможна с точки зрения психологических задач и каковы взаимоотношения разных слоев культуры с внутренними мирами человека (решение этих проблем находится в диалоге психологии с историей и культурологией).

В начале XX века отечественная психология имела достаточный интеллектуальный и методологический ресурс, чтобы двинуться по гуманитарному пути развития. Важную роль в становлении отечественной культурной психологии играли литературоведы, этнографы и историки. Но этой линии отечественной культурной психологии не суждено было развиваться из-за случившейся революции и репрессивной политики новых властей. Единственным направлением культурной психологии в советскую эпоху стала «культурно-историческая концепция» Л.С.Выготского, вынужденная развиваться в прокрустовом ложе жестокой эпохи.

Два встречных потока – культурно-исторической интерпретации психологии и психологического прочтения культуры – породили в XX в. пышный всплеск разнообразных подходов и школ: от этнопсихологии и американской психоистории до культурно-исторической концепции Л.С.Выготского. Взятое в самом широком смысле понятие «культурно-историческая психология» охватывает множество исследовательских направлений, затрагивающих взаимоотношения личности и культуры. Заметим, что в зарубежной традиции культурная психология (*cultural psychology*) представляет собой междисциплинарную область исследований на стыке психологии и целого ряда гуманитарных наук, таких как история, этнология, культурология, семиотика, литературоведение и т.д. Для данной дисциплины наиболее адекватным было бы название *культурно-историческая психология* (как охватывающее все пласты синхронических и диахронических исследований), но в отечественной традиции такое наименование закрепилось за «культурно-исторической школой» Л.С.Выготского. Однако культурно-историческая парадигма в психологии – это не только концепция Л.С.Выготского, но и исследования К.Юнга, Э.Эриксона, традиции французской социологической и психологической школ, современные культурно-антропологические и этнопсихологические подходы и т.п. Иными словами, культурно-историческая парадигма связывает довольно «разношерстные» сферы познания, простираясь от абстрактных культурологических теорий до отдельных полевых исследований (следует также отметить, что впервые понятие «культурно-историческая школа» было применено для характеристики приверженцев концепций «культурных кругов» Л.Фробениуса и Ф.Гребнера). Эта парадигма также объединяет встречные движения: от психологии к историческим наукам и от гуманитарных наук к психологии. Причем, если одни направления делают акцент на изучении социализации (французская социологическая школа, Л.С.Выготский), то другие – на индивидуализации (петербургская школа медиевистики, А.Я.Гуревич).

Если методологическими ориентирами культурно-аналитического подхода в психологии выступают неокантианская традиция в философии, парадигмы гуманитарного знания и постнеклассическая методология науки, то его источниками служат описательно-аналитическая психология В.Дильтея, культурно-психологические исследования школы «Анналов», междисциплинарный проект «истории повседневности», отдельные модели культурно-психологического анализа, обнаруженные в междисциплинарных исследованиях ГАХН, в трудах Г.О.Винокура, Н.В.Теплова, Г.Г.Шпета, петербургской школы медиевистики, в культурно-психологических исследованиях творчества на рубеже XIX–XX вв., в сочинениях А.Я.Гуревича, И.С.Кона, Ю.М.Лотмана, Б.Ф.Поршнева и др. В отдельной статье, разумеется, не охватить все эти подходы, но более детально мы обратимся к ним в дальнейших публикациях. В цикле статей мы предполагаем обсудить взаимоотношения психологии с рядом смежных наук, таких как история, этнология, социология, литературоведение, семиотика и другие. Пока же посвятим несколько слов характеристике взаимоотношений психологии и гуманитарного знания в целом.

Психология и история

С одной стороны, проблемы гуманитарной и исторической эпистемологии зачастую остаются вне поля зрения психологов. С другой стороны, статья К.Гергена «Социальная психология как история» вызвала в психологическом сообществе широкий резонанс, а междисциплинарная проблематика в целом пользуется непреходящим интересом. Как уже отмечалось, коммуникация психологии и смежных областей знания может быть представлена двумя потоками: движением от психологии к гуманитарному знанию и от гуманитарных наук – к психологии. Однако наиболее активной собеседницей психологии обычно оказывалась история. И на это имеется ряд причин.

Почему психология немыслима вне диалога с историей? Потому что человек есть существо по сути своей историческое, темпоральное, более того, множественно темпоральное. Почему психология нуждается в плодотворных контактах с культурологией, социологией, литературоведением, этнографией? Потому что эти науки акцентируют важность контекста для интерпретации поведения и развития человека, а человек живет во множестве контекстов. И логическим следствием онтологической и гносеологической сложности его бытия является полидисциплинарность.

На наш взгляд, особый интерес для понимания методологической ситуации в современной психологии представляет собой анализ проекта «Новая историческая наука» (La Nouvelle Histoire), известного как французская историческая школа «Анналов». О становлении и эволюции «Анналов» как новой исторической парадигмы (само по себе методологически поучительном) речь пойдет в другой раз, сейчас же нам важно отметить, что в школе «Анналов» исследователи обратили внимание на «множественность социального и исторического времени, качество и природа которого изменчивы в разных обществах» [Гуревич, 1993, с. 297]. Согласно представителю данной школы Ж.Ле Гоффу, парадигма новой исторической науки в целом включала в себя три исследовательские установки (предпосылки): 1) критический анализ взаимоотношений между историком, историческим фактом и источником; 2) понимание истории как глобальной сети знания обо всех аспектах активности человека в обществе, а также об обществе и сообществах; 3) междисциплинарная практика, коммуникации и дискурс. Эти три аспекта новой исторической парадигмы «Анналов» не утратили своей методологической актуальности и по сей день. Более того, А.Я.Гуревич отмечает, что французские историки «эмпирически пришли к такой оценке особенностей профессии историка, которая в принципе сходна с неокантианской эпистемологией» [Гуревич, 1993, с. 29]. Сюда относится рефлексия специфики гуманитарного знания, осознание и принятие неизбежности субъективного и ценностного суждения исследователя, рефлексивный анализ этих ценностей и учение об «идеальных типах». История в трактовке «Анналов» предстает как наука о человеке, живущем в разнообразии культурных и социальных контекстов.

Таким образом, новая историческая парадигма имела два источника – в теоретическом плане это были сочинения немецких методологов, тогда как французские историки пришли к сходной методологии эмпирическим путем. Представители данной исторической школы на практике продемонстрировали, как постановка проблемы (исследовательской задачи) создает ту методологическую «оптику», которая изменяет поле видения исследователя, показали необходимость учета и рефлексии методологических предпосылок самого исследователя, важность его определенной ценностной позиции.

Почему общение с историками так актуально для современной психологии? Потому что историки решают сходные методологические задачи – например, преодоление фрагментарности разрастающегося научного знания посредством проблемно-ориентированных исследований. Средством же междисциплинарной коммуникации и здесь выступает культурно-психологический анализ, культурная аналитика в целом. А изучение человека как целостного феномена требует свободного скольжения из одной науки в другую.

Особенность психологии как науки и проистекающие из этих особенностей известные методологические проблемы (фрагментарность знания, дискуссии о предмете, перманентная кризисность психологической науки и т.п.) основываются на том, что *психология есть наука повышенной онтологической и гносеологической сложности, то есть наука, обладающая избыточным измерением*. Предметом изучения психологии выступает психика (психическое и психологическое в человеке), в широком смысле слова рассматриваемая как многомерная и

гетерогенная реальность. Исследование такого рода реальности, обладающей также избыточными измерениями онтологической и гносеологической сложности, требует особого методологического подхода. И такой подход появляется в методологическом контексте развития постнеклассической рациональности, поскольку постнеклассическая рациональность, взятая в качестве идеального типа и инструмента анализа, опять же, обладает повышенной онтологической и гносеологической сложностью (и, соответственно, многомерностью), с одной стороны, а с другой стороны, выступает в роли методологического орудия, своего рода «оптики», позволяющей обнаружить доселе скрытые свойства психологии – те самые свойства, которые были невидимы или непонятны в измерении меньшей сложности (а именно: в классическом и даже в неклассическом типе рациональности).

Более того, постнеклассическая рациональность выступает порождающим и поддерживающим контекстом для расцвета методологии междисциплинарных исследований, именно в постнеклассическом контексте акцент смещается от вполне самостоятельных дисциплин к междисциплинарным связям, к коммуникации и диалогу между отдельными науками. В этом же контексте системная логика превращается в сетевой анализ (как феномен возрастающей гносеологической и онтологической сложности, поскольку сеть при определенных условиях может быть организована в систему, и системный подход может быть увиден и проинтерпретирован в сетевом подходе как частный случай, тогда как сетевая логика в системную без потерь не помещается, оказываясь для нее избыточной). Наконец, в постнеклассической рациональности позитивизм (позитивистская парадигма) вливается в герменевтику (герменевтическую парадигму) и, в свою очередь, может быть в ней истолкован, тогда как герменевтика в качестве «идеала рациональности» остается для позитивизма непонятной и «неправильной».

В контексте постнеклассической рациональности возникает еще один онтологически и гносеологически сложный феномен, связанный с коммуникацией психологии с рядом смежных наук, – это *культурно-психологический анализ*. Культурно-психологический анализ оказывается системообразующим (точнее было бы сказать: сетеобразующим – но и то и другое слово в данном случае выступают как метафоры) основанием для коммуникации самых разных исследований, развертывающихся в системе координат: практика – психика – культура.

Культурно-аналитический подход в психологии, источниками которого выступают неокантианская методологическая традиция, эпистемологические «повороты» в гуманитарном знании и постнеклассический тип рациональности, стремится соединить разорванные в психологии связи между прошлым, настоящим и будущим науки, а его неизбежная междисциплинарность позволяет синтезировать отдельные фрагменты культурно-психологического знания, тем самым на практике осуществляя тенденцию к интеграции в психологии. Культурно-аналитический подход позволяет осуществить интеграцию отдельных культурно-психологических исследований, относящихся к сферам ведения смежных психологии наук, – истории, социологии, этнографии, культурной антропологии, семиотики, литературоведения и т.п.

В данной статье мы стремились также показать, что будущее психологии связано с развитием междисциплинарного дискурса, методологически поддерживающей средой для развития междисциплинарного дискурса выступает постнеклассическая рациональность, а связующей нитью для разнообразных исследований становится культурно-психологический анализ.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Изд-во МГППУ; Смысл, 2003.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.

Гусельцева М.С. Неокантианская методология: пройденный путь или перспектива развития психологии? // Вопросы психологии. 2008. N 6. С. 26–38.

Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. N 1. С. 99–115.

Завершнева Е.Ю. Принципы неопределенности и дополнительности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заимствований // Вестник Моск. ун-та. Серия 14, Психология. 2001. N 4. С. 67–77; 2002. N 1. С. 75–80.

Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 18–28.

Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.

Кавелин К.Д. Задачи психологии. СПб., 1872.

Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899.

Келли Дж. Теория личности: Психология личных конструкторов. СПб.: Речь, 2000.

Клочко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 165–178.

Козлов В.В. Интегративная психология: в поисках целостности // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии / под ред. В.В.Новикова. Ярославль: МАПН, 2003. Т. 1. С. 187–204.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

Мазилев В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии / под ред. В.В.Новикова. Ярославль: МАПН, 2003. Т. 1. С. 205–237.

Мазилев В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007.

Марцинковская Т.Д. Междисциплинарность как системообразующий фактор современной психологии // Методологические проблемы современной психологии: сб. ст. / под ред. Т.Д.Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 61–81.

Миллер Дж.А. Когнитивная революция с исторической точки зрения // Вопросы психологии. 2005. N 6. С. 104–109.

Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. N 6. С. 3–18.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.

Соколова Е.Е. Апология системного монизма (К проблеме путей интеграции психологической науки) // Вопросы психологии. 2006. N 4. С. 15–23.

Стёпин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Теплов Н.В. Что такое культура и что такое гениальность с точки зрения развития культуры // Доклад в заседании Исторического общества от 24 марта 1902 г. М.: Историческое общество, 1902.

Уилбер К. Интегральная психология: Сознание. Дух. Психология. Терапия. М.: АСТ, 2004.

Флоренский П.А. Пути и средоточия // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 26–33.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003.

Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.: Изд-во ИПП; Воронеж: Модэк, 1996.

Юревич А.В. Психология и методология. М.: ИП РАН, 2005.

Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 84–102.

Beyond the Cultural Turn: New directions in the study of society and culture / ed. V.Bonnell, L.Hunt. Berkeley, 1999.

Chew G.F. "Bootstrap": A scientific idea? // Science. 1968. V. 161.

Hunt L. French history in the last twenty years: The rise and fall of Annales paradigm // J. of Contemporary History. 1986. Vol. 21. P. 209–224.

Holquist M. Dialogism: Bakhtin and his world. L. and N. Y: Routledge, 1990.

Lyotard J.F. La condition postmodern. P.: Minuit, 1979.

Дата публикации 28 апреля 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Гусельцева М.С. Культурно-психологический анализ в психологии и смежных науках // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 2(4). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)